

— Наставник, люди всюду твердят, что в мире боевых искусств над простым человеком, изучающим боевые искусства, лежат четыре сферы: Цзиньганфань, сфера Мирского архата, воина-служителя Будды; Цзицзайди, сфера Вольготной* земли; Сяояотянь, сфера Безмятежного странствия по небесам, и Шэньюсюань, сфера Блуждающих вдалеке мыслей. Каждая сфера лежит выше предыдущей. А на какой сфере наставник? — юноша стоял посреди заснеженного поля и взмахивал полутораручным мечом с выгравированным на нем рисунком пламени. Одежды его были мокры от пота, но он беззаботно болтал со стоящим рядом наставником.

*Также «свободной» или «свободной от заблуждений».

Вот только одетый в серый халат конфуцианец средних лет не обращал на него ни малейшего внимания и листал страницы книги.

Юноша же все никак не унимался.

— Наставник, вы говорили, что боевые искусства высшего класса можно разделить на четыре сферы. А что насчет искусства владения мечом? Сколько у него сфер?

Конфуцианец опустил книгу.

— Мой меч Шабу нельзя отнести к искусству владения мечом, а потому он не входит ни в одну сферу. Но я встречал одного мастера меча, что разделил все на три сферы.

— Ой, наставник, когда это вы стали таким скромным? Чей это был меч, в сравнении с которым вам все еще требовалось бы тренироваться и тренироваться? — пусть юноша и продолжал болтать, руки его не прекращали взмахи.

— Есть такой человек. Он разделил искусство владения мечом на три сферы. Первая — Увидишь гору — это и есть гора; увидишь воду — это и есть вода*. Вторая — Увидишь гору — то не гора; увидишь воду — то не вода. И третья — Увиденная гора все еще гора; увиденная вода все еще вода.

*Итак, почему мы все не сошли с ума, и это все имеет смысл. Название первой сферы стоит понимать так: до практики медитации (а на деле речь идет именно о ней) человек воспринимает мир исключительно интуитивно — опираясь на свои органы чувств, тело и ум. Он составляет свое представление о мире на основе этого и заведомо предполагает верным. Таким образом, если он видит горы, то не видит причин сомневаться, что это может быть чем-то другим. Что же до второй сферы: следуя учению и узнавая новое, взгляд на вещи и общую картину мира меняется. Для того, чтобы достичь высшей цели, необходимо подвергнуть сомнению все, что мы знали до этого, и переосмыслить. Так можно прийти к выводу, что все вокруг на самом деле есть пустота и не имеет собственной природы, а лишь создано человеческим умом. Поэтому та гора, что ты видишь, и не гора вовсе. Теперь третья сфера: избавившись от лишних привычек и мыслей, можно найти гармонию за пределами чувств, и только тогда сердце будет спокойно - будет найдено "место отдыха". Тогда можно жить в мире,

принимая его таким, какой он есть — если мир говорит тебе, что это гора, значит, это гора. Тогда обретается истинная свобода и гармония.

Услышав такое объяснение, юноша горько усмехнулся.

— Что-то слишком умно. Услышать — услышал, понять — не понял.

Конфуцианец закрыл глаза, словно вспоминая искусство владения мечом того человека, а затем вытянул руку:

— Поднимись, меч!

Тотчас юноша почувствовал, как меч в его руках дрогнул и вырвался, послушно ложась на ладонь конфуцианцу. Тот открыл глаза и осторожно взмахнул мечом.

— Когда-то я выучился у него одному движению. Техника меча называлась Алая роса и зеленый дым. Смотри внимательно.

Юноша ощутил жар в теле, перед глазами его зарябило, и не успел он ничего понять, как конфуцианец уже опустил меч.

— Наставник, я не успел рассмотреть, — пожаловался юноша.

Конфуцианец лишь хмыкнул, бросил ему меч и пошел прочь.

Юноша задумчиво схватил меч. Только он хотел продолжить тренировку, как вдруг у него зачесалась щека. Подняв руку, он увидел на ладони лепесток персика и резко обернулся.

Хоть на дворе и стояла зима, но персиковое дерево прямо позади него было усыпано цветами. Оказывается, жар меча был столь силен, что персик зацвел!..

Лэй Уцзэ очнулся ото сна.

Он наконец понял, кто был тем мастером, что придумал разделение искусства владения мечом на три сферы гор да рек. Когда-то давно он видел, как наставник показывал ему технику Алой росы и зеленого дыма, а совсем недавно увидел технику Ночью — луна, утром — цветы, но ее демонстрировал мастер меча...

Лэй Уцзэ потер все еще побаливающую голову.

— Так это мой теперешний наставник? — пробормотал он и огляделся.

В доме проснулся он совершенно незнакомом, но был почти уверен, что он находился где-то в городе Сюэюэ. Вокруг не было ни души. Тогда Лэй Уцзэ встал и вышел во двор. Там он увидел знакомого хозяина таверны в синих одеждах, что с привычной леностью развалился на лавке и подставлял лицо теплым лучам солнца.

— Очнулся, — Сяо Сэ даже не повернул голову.

Лэй Уцзэ с кивком сел на каменную ступеньку рядом с ним.

— Ты три дня спал, — вскользь заметил Сяо Сэ.

Лэй Уцзэ снова потер голову.

— Я думал, ты уже ушел.

— Как, думаешь, я уйду? — мрачно фыркнул Сяо Сэ. — Не смог заплатить мне восемьсот лян, а теперь хочешь увильнуть от долга?

— Ой, — неловко хихикнул Лэй Уцзэ. — Я пойду спрошу у старшего шисюна, подожди немного.

— Что спрошу, у кого спрошу? Третий учитель уже отдал деньги, не дай ему себя одурачить, — раздался голос позади. Лэй Уцзэ обернулся и увидел на крыше Тан Ляня, тоже нежившегося на солнце.

— Старший шисюн, — выкрикнул Лэй Уцзэ громко.

— Угу, теперь ты правильно назвал. Кстати, — и тут Тан Лянь захихикал. — Тот, кто сидит с тобой рядом, теперь твой третий шиди.

— Чего? — лицо Лэй Уцзэ тотчас изумленно вытянулось.

Сяо Сэ решительно отвернулся от них всем телом и сделал вид, что больше не слушает.

— После того, как ты стал учеником второго учителя, третий учитель принял Сяо Сэ в качестве ученика. И пусть все в Сюэюэ ученики, только мы трое ученики глав города. Можно считать по порядку вступления или по порядку старшинства учителей, — так и так получится одинаково. Так что ты должен звать его правильно: третий шиди.

Сяо Сэ со всей силы дрыгнул ногой, и ботинок с нее полетел назад, в сторону крыши.

— Используешь скрытое оружие против клана Тан? — Тан Лянь не глядя махнул рукой, и

ботинок улетел в сторону.

Лэй Уцзэ тотчас радостно поскакал за ботинком, поставил его рядом с Сяо Сэ и, охваченный радостным волнением, затараторил:

— Кто бы мог подумать, кто бы мог подумать! Мы с братом Сяо стали соучениками. Мы так долго путешествовали вместе, что, стоило мне подумать о разлуке, как становилось как-то грустно. А теперь все хорошо, нам больше не надо расставаться!

Сяо Сэ остолбенел, а затем брыкнул в его сторону другой ногой.

— Кто это тут расставаться с тобой не хочет?

С крыши послышался хохот Тан Ляня.

— У шиди Лэя и впрямь юношеская натура.

— А давайте потом мы, трое братьев, будем вместе странствовать по миру боевых искусств, прямо как трое глав города в свои годы? — все так же радостно щебетал Лэй Уцзэ. — Покажем миру, на что мы способны.

— Хорошая идея, — кивнул Тан Лянь.

Сяо Сэ в ответ лишь зевнул.

— А, точно, ты же спал три дня. Хочешь послушать, что важного случилось за это время? — вдруг вспомнил Тан Лянь.

— Важное?

— Например, твой шибо, Лэй Юньхэ, после того, как покинул павильон Дэнтянь, направился на гору Цинчэн. Одним пальцем он разрушил ее защиту, двумя — сорвал крышу зала Цянькунь, а тремя — смог удержать атаку меча Цинсяо* старшего чжэньжэня** горы Цинчэн, Чжао Юйчжэня***. Говорят, между ними разразилась великая битва, что длилась всю ночь. Гора Цинчэн сотрясалась от раскатов грома и тонула под нескончаемым ливнем. Кроме шести старших чжэньжэней, оставшихся наблюдать за боем, все даосы поспешили спуститься с горы и отступить от нее на три ли. После той битвы Лэй Юньхэ снова улетел прочь на журавле. Но Чжао Юйчжэнь во всеуслышанье признал, что в этом сражении тот не потерпел поражения. Так Лэй Юньхэ снова вступил в мир боевых искусств и смог вничью сразиться с Чжао Юйчжэнем, одним из десяти сильнейших людей. Многие думали, что дальше он отправится в зал Пили в Цзяннане, и силой отнимет у Лэй Цяньху место главы клана Лэй. Но, как мы узнали от вернувшихся учеников Сюэюэ, Лэй Юньхэ отправился в совершенно другую сторону. Третий учитель сказал, что он обязательно вернется туда, но не сейчас.

*Дословно переводится как "голубые небеса, небесная синь".

**Титул в даосизме. Дословно — совершенный человек, сверхчеловек, познавший совершенную мудрость. На уровень выше сяньжэня, бессмертного отшельника.

***К слову, его имя составляет собой словосочетание, переводящееся как "отшельник, праведник".

Лэй Уцзэ кивнул.

— Лэй Юньхэ сказал, что мы с ним вернемся навестить моего наставника. Стоит мне только подумать, что я сначала так сильно переоценил свои силы и думал прорваться через пятнадцатый этаж, как мне становится стыдно. Если бы старший Лэй призвал тогда Гром девяти небес, боюсь, я бы сейчас здесь не стоял.

Тан Лянь рассмеялся.

— Третий учитель говорил, что, когда Лэй Юньхэ только пришел в Сюэюэ, его сила уже сильно упала: чуть ли не ниже Цзиньганфаня. Конечно, поэтому ему пришлось занять самое низкое место среди старейшин. Потом он много лет укреплял ци, сидя в затворе в павильоне Дэнтянь. И так уж совпало, что после появления шиди Лэя, нашего юного героя, взявшегося подняться на павильон, Лэй Юньхэ получил неожиданный шанс снова раскрыть свои способности и войти в сферу Сяояотянь. Он определенно был тебе благодарен, просто не успел сказать. Почему же он должен хотеть тебя убить?

— Если человек в сфере Сяояотянь уже столь могущественен, то тот, кто вошел в Шэньюсюань, не будет ли истинным небожителем? — вдруг задумался Лэй Уцзэ. — Третий учитель уже вошел в нее? А мой наставник?

Сяо Сэ равнодушно хмыкнул.

— Любой в сфере Шэньюсюань может отрешиться от всего земного, лишь закрыв глаза, и энергию своей мысли направить свободно на девять тысяч ли*. Но такой человек и за несколько сотен лет может не появиться. А ты как-то слишком уж большого мнения о городе Сюэюэ.

*Образно — очень далеко.

— Вижу я, кто-то тут свысока смотрит на город Сюэюэ. Если так, то не утруждай себя пребыванием здесь только из-за восьмисот лян, — ответил Тан Лянь с таким же пренебрежением.

Сяо Сэ потянулся и тихо пробурчал:

— Это не восемьсот, а восемь миллионов лян.

— Кстати, — вдруг вспомнил Лэй Уцзэ. — Шисюн, ты вроде что-то еще хотел мне сказать?

— А, да, — Тан Лянь улыбнулся. — Второй учитель говорил тебе прийти к нему на гору Цан на следующий день после вашей битвы. Только вот с тех пор прошло уже три дня. И, знаешь, у второго учителя всегда был до ужаса дурной характер, так что если ты не поспешишь, то, боюсь, в жизни больше не сможешь ступить на гору Цан.

Лэй Уцзэ вскочил, словно молнией ужаленный.

— Беда, шисюн! — завопил он. — Я побежал!

И пустился во всю прыть. Но, стоило ему только выбежать из двора, как он вдруг кое о чем подумал и побежал обратно.

Тан Лянь как раз с силой бросил ему что-то, сверкнувшее алым в лучах солнца. Секунда, и меч с выгравированным на лезвии пламенем оказался в руках Лэй Уцзэ.

— Иди. И, кстати, третий учитель просил меня тебе передать кое-что.

— Чего?

— «У Ли Ханьи очень дурной нрав, так что постарайся не умереть на горе Цан».

<http://tl.rulate.ru/book/27215/4186648>